

МАМОНТОВА Эльвира Александровна

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ДЕРЕВНЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.
1921 – 1929 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Воронеж 2004

Работа выполнена в Тамбовском государственном техническом университете

Научные руководители: доктор исторических наук, профессор
С.А. Есиков

доктор исторических наук, профессор
В.В. Никулин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
В.И. Логунов

кандидат исторических наук, доцент
И.Г. Пирожкова

Ведущая организация Белгородский государственный университет.

Защита состоится "___" февраля 2004 г. в 14⁰⁰ ч. на заседании диссертационного совета К 212.036.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Воронежском государственном педагогическом университете по адресу: 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86, ауд. 408.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеке Воронежского государственного педагогического университета, ауд. 326.

Автореферат разослан "___" января 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А.В. Перепелицын

Подписано в печать 29.12.2003

Формат 60 × 84 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Объем: 1,39 усл. печ. л.; 1,4 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз. С. 898

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета,

392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Разнообразие и противоречивость социально-экономических процессов в российской деревне 1920-х гг. всегда привлекали пристальное внимание отечественных исследователей. В предшествующий период проблемы нэпа рассматривались исключительно с позиции официальной идеологии и в силу этого не могли быть исследованы глубоко и объективно. С начала 1990-х гг., после отказа государства от идеологических догм и политической цензуры значительно возросли возможности объективного анализа истории российской деревни 1920-х гг. В связи с этим важное значение приобретает углубленное изучение социально-экономических аспектов нэпа в свете вновь открывшихся фактов и иного прочтения ранее известных. Появилось множество новых работ. Однако, как и в предшествующие годы, исследователи основное внимание уделяют разработке проблем нэповской деревни в общероссийском масштабе. На уровне отдельных губерний эти проблемы изучены недостаточно, хотя в каждой губернии имелись свои особенности хозяйственной и социальной жизни.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучить характер и особенности социально-экономических процессов периода нэпа в деревне Тамбовской губернии, переосмыслить и уточнить прежние оценки социально-экономического положения тамбовского крестьянства в этот период. Кроме того, обобщение опыта экономических реформ в тамбовской деревне в 1920-е гг. с целью выявления наиболее оптимальных форм хозяйствования крестьянства помогло бы в настоящее время избежать повторения некоторых ошибок и выработать наиболее приемлемые пути выхода из кризисной ситуации в сельском хозяйстве.

Объектом исследования является история деревни Тамбовской губернии в контексте экономических реформ в стране в 1920-е гг.

Предмет исследования составляют социальное и экономическое положение крестьянства Тамбовской губернии в период нэпа, основные социальные и экономические мероприятия центральных и местных властей, связанные с реформированием сельского хозяйства в 1921 – 1929 гг.

При определении **географических рамок исследования** автором учитывалась Тамбовская губерния как административно-территориальная единица РСФСР (с учетом административно-территориальных реформ в феврале 1923 г. и в мае 1928 г.). Пространственная локализация диссертационного исследования позволила достаточно полно изучить особенности протекания процессов общероссийского масштаба на уровне Тамбовской губернии, показать, как претворялись в жизнь местными властями решения центральных органов, а также как влияли события в губернии на решения центральных органов. Это дало возможность более глубоко выявить мотивы и механизмы принятия конкретных социально-экономических решений периода нэпа, характер взаимоотношений центральных и местных органов власти, системы власти с различными социальными группами крестьянства.

Хронологические рамки исследования охватывают события с марта 1921 г. по декабрь 1929 г., т.е. от момента введения новой экономической политики до момента отказа от нее. Ряд обстоятельств предопределил выбор именно этих временных параметров диссертационного исследования.

Во-первых, изучение проблем социально-экономического развития российской деревни в период нэпа имеет большое значение, так как новая экономическая политика оказала огромное воздействие на сельское хозяйство, которое в 1920-е гг. было основой экономики страны. От выбора путей его дальнейшего развития в значительной мере зависел вопрос о перспективах модернизации России вообще.

Во-вторых, избранный хронологический промежуток является вполне самостоятельным и завершенным этапом реформирования сельского хозяйства страны. Крах попытки добиться мирного, добровольного "врастания" крестьянского хозяйства в социализм определил в конце 1929 г. намерение руководства страны быстро и радикально разрешить аграрную проблему путем сплошной коллективизации сельского хозяйства. Этим проблемам и посвящено данное диссертационное исследование.

В связи с тем, что огромное значение для понимания процессов, протекавших в 1920-е гг., имеет анализ причин социально-экономического кризиса 1920/21 г. и его особенностей в Тамбовской губернии, к анализу привлекаются события 1920 – начала 1921 гг.

Степень изученности темы. В развитии отечественной историографии нэпа по теме исследования можно выделить несколько этапов. Первый этап – 1920-е гг., который характеризовался сохранением многообразия концепций и оценок политического курса государства в отношении российской деревни. Исследователи пытались разобраться в причинах введения нэпа, его сущности и перспективах. В каче-

стве авторов первых работ о нэпе выступали современники событий. По принципам мировоззрения можно выделить два направления в историографии 1920-х гг.: большевистское и либеральное. Представителями большевистского направления были лица, причастные к властным структурам.¹ Источниковая база этих работ была узка, они носили во многом пропагандистский характер.

В то же время работы исследователей-аграрников либерального направления отличались довольно высоким уровнем методологии, предметностью и фактологической насыщенностью, выводы их не были жестко политически ангажированными.² Они внесли существенный вклад в развитие отечественной историографии нэповской деревни. В их работах, наряду с другими, широко использовался материал по тамбовской деревне.

В 1920-е гг. появились и первые работы, непосредственно посвященные изучению социально-экономических процессов, происходивших в период нэпа в деревне Центрального Черноземья. Наиболее заметными из них были работы И.К. Воронова и П.Н. Першина, отличавшиеся большим привлечением фактического материала. Воронов в своем исследовании в целом достоверно отразил социально-экономические процессы, происходившие в центрально-черноземной деревне в первые годы нэпа: дробление и измельчение крестьянского хозяйства, увеличение числа малоскотных, малопосевных и безинвентарных хозяйств, имевших незначительный выход товарной продукции и экономически зависимых от зажиточных хозяйств. Однако из этого был сделан весьма спорный вывод о том, что единственным выходом из этой ситуации является вступление маломощных крестьян в колхозы.³ Першин в своем исследовании верно раскрыл причины отсталости сельского хозяйства Центрального Черноземья (аграрное перенаселение, малоземелье, военная разруха, неурожай 1920 – 1921 гг.). Он считал, что государство должно в первую очередь оказывать помощь маломощным крестьянским хозяйствам.⁴

Второй этап в историографии нэпа по социально-экономической истории доколхозной деревни длился с начала 1930-х гг. до середины 1950-х гг. Профессиональную деятельность ученых жестко ограничивал тотальный идеологический контроль партийно-государственной администрации. Основные усилия историков были сосредоточены на изучении социалистических преобразований в сельском хозяйстве в период нэпа. Сущность нэпа в деревне представлялась в соответствии со сталинской концепцией как период накопления сил и средств для перехода в решительное наступление на остатки капитализма.

На этом этапе работы местных историков, посвященные исследованию социально-экономических процессов в доколхозной центрально-черноземной деревне, также находились в русле официальных идеологических доктрин. В частности, М.Н. Черноморский и П.Н. Шарова в своих статьях в качестве доказательства необходимости сплошной коллективизации приводили утверждение официальной пропаганды о том, что мелкое крестьянское хозяйство к концу 1920-х гг. исчерпало возможности своего развития и роста производства сельскохозяйственной продукции, о чем якобы свидетельствовали хлебозаготовительные кризисы, поэтому назрела объективная необходимость перехода на крупное общественное сельскохозяйственное производство.⁵

С середины 1950-х гг. начался третий этап историографии нэпа по теме исследования, который длился до конца 1980-х гг. Этот этап был весьма сложен и противоречив. После известного постановления XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) о преодолении последствий культа личности Сталина, несколько расширились границы дозволенного, что сказалось положительным образом на развитии исторической науки. Вводятся в научный оборот новые источники, усложняется структура проблематики. Начинается монографическая разработка социально-экономических аспектов нэпа в российской деревне. Но исследователи продолжали находиться под жестким давлением политической цензуры и официальной идеологии. Поэтому работы писались, как правило, в историко-партийном плане, социально-экономическая

¹ Крицман Л.Н. О литературном отражении колхозного движения // На аграрном фронте. – 1925. – № 7–8. – С.227; Милютин В.П. Политика и тактика кооперации // На аграрном фронте. – 1925. – № 4. – С.8; Андреев А.А. Кооперация в социалистическом строительстве. – М., 1924; Каменев Л.Б. Налоговая политика в деревне. – М., – 1923. – С. 24; Калинин М.И. По поводу расслоения деревни // Беднота. – 1925., 21 марта; Ларин Ю. Советская деревня. – М., 1925 и др.

² Литошенко Л. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. – 1923. – № 75. – С. 36; Хрящева А.И. Крестьянское хозяйство и новая экономическая политика // Бюллетень ЦСУ. – 1924. – № 84. – С. 29; Чайнов А.В. Краткий курс кооперации. – М., – 1925. – С.7.

³ Воронов И.К. Расслоение деревни и коллективизация. – Воронеж, 1925. – С. 31.

⁴ Першин П.Н. Восстановление Центрально-Черноземных губерний // Бюллетень Госплана РСФСР. – 1926. – № 15 – 16.

⁵ Черноморский М.Н. Начало сплошной коллективизации в Тамбовском округе ЦЧО (1929 – 1930 гг.) // Известия АН СССР. – 1947. – № 5; Шарова П.Н. Великий перелом в сельском хозяйстве // Вопросы истории. – 1949. – № 5.

история российской деревни 1920-х гг. рассматривалась как процесс движения к социализму по единственно правильному пути, указанному компартией. При анализе исторических явлений и процессов исследователям приходилось о многом умалчивать или давать общие расплывчатые определения. Идеологическая заданность, строгая цензура, отсутствие доступа к большинству документов часто приводили к поверхностному анализу, хотя были и исключения. Например, именно в этот период были созданы важнейшие труды Ю.А. Полякова и В.П. Данилова, которые заметно продвинули вперед исследование социально-экономических аспектов нэповской деревни, благодаря введению в оборот большого количества новых источников, глубокому изучению уже известных. В этих трудах широко использовались и тамбовские материалы.⁶

На третьем этапе отечественной историографии нэпа начинается активная разработка социально-экономических проблем деревни на уровне регионов, в том числе и на материалах Центрального Черноземья.⁷ Они, как и все работы этого периода, отличались сосредоточением внимания преимущественно на положительных результатах и оправданием отрицательных результатов объективными обстоятельствами и "кулацкими происками", раскрытием руководящей и направляющей роли компартии. Тем не менее, местными историками была проделана большая работа по накоплению и обобщению фактов. Эти работы стали фундаментом для современных крестьянских исследований.

Современный, новейший этап историографии социально-экономической жизни российской деревни периода нэпа начался в конце 1980-х гг., когда были сняты многие идеологические запреты. Гласность резко расширила возможности исторического анализа. В руках исследователей оказались рассекреченные материалы областных партархивов и, частично, архивов КГБ. В научный оборот вводятся новые, ранее неизвестные факты, начался пересмотр основных исторических концепций в свете нового знания. Появилось много публикаций по социально-экономическим аспектам нэпа в российской деревне. Повышенное внимание в период перестройки к проблемам нэповской деревни было вызвано тем, что страна снова, как и в 1920-е гг., находилась в поисках выхода из социально-экономического кризиса российской деревни. В связи с этим проявились увлечение "положительными" сторонами нэпа в деревне 1920-х гг. и выявлением возможности приложения их к современности.⁸

В послеперестроечный период интерес исследователей к изучению положительного опыта нэповских реформ угас, так как реформы тех лет перестали быть источником вдохновения из-за их ограниченного характера. Характерной для публикаций последнего десятилетия стала переориентация с анализа "положительных" сторон нэпа на менее изученные его "негативные" стороны. Историография нэповской деревни значительно обогатилась новыми научными работами и монографиями.⁹ В последнее время все большее число авторов считает, что нэповские преобразования в деревне и городе были для большевиков вынужденным шагом, временным отступлением от идеологических доктрин. Нэп был не целостной системой, а всего лишь набором средств и методов, обеспечивающих политическое выживание для правящей партии. Рыночные реформы носили формальный, половинчатый характер, причем

⁶ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. – М., 1967; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; Он же. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М., 1957. и др.

⁷ Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928 – 1932. – М., 1963; Логунов В.И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. – Воронеж, 1970; Полунина Л.В. Переход к новой экономической политике в деревне Черноземного Центра (1921 – 1923). – М., 1967; Окатов Н.А. Тамбовская партийная организация в период восстановления народного хозяйства (1921 – 1925). – Тамбов, 1961; Рязанов В.Е. Славный путь крестьянства // Тамбовская область за 50 лет (1917 – 1967). Воронеж, 1967. – С. 74 – 108; Пирожков Г.П. Партийное руководство строительством сельскохозяйственной кооперации в Тамбовской губернии (1921 – 1923) // Гражданская война и социалистическое строительство в Черноземном Центре. Тамбов, 1976. – С. 19 – 48 и др.

⁸ Буздалов И. НЭП: прошлое и необходимое нам сегодня // Вопросы экономики. – 1990. – № 3; Белоусов Р. Две реформы экономики: 1921 – 1924 и 1987 – 1990 гг. // Плановое хозяйство. – 1990. – № 5; Ланшиков А., Салуцкий А. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. – М., 1990 и др.

⁹ Ильин С.С. Финансовая политика в аграрной сфере при нэпе // Финансы. – 1993. – № 11; Он же. Образование рынка средств производства для крестьянских хозяйств в период нэпа // Свободная мысль. – 1995. – № 8; Он же. Из истории планирования и регулирования сельского хозяйства (опыт 20-х годов) // Вестник МГУ. Экономика. – 2001. – № 6; Дегтев С. Нэп в деревне // Былое. – 1994. – № 10; Базаров А. Обираловка: Почему доколхозное село душили налогами. // Родина. – 2000. – № 7; Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000; Елютин О.Н. Кооперация в России – неустойчивый опыт // Вестник МГУ. История. – 1998. – № 5; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; Файн Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. – 1994. – № 9; Он же. Нэповский "эксперимент" над российской кооперацией // Вопросы истории. – 2001. – № 7; Багемский А.М. Новая экономическая политика: история и современность. М., 1998. – С. 23; Косачев В.П. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. – 1998. – № 5; Девятов С.В. Единовластие в России. Возникновение и становление (1922 – 1927 гг.). – М., 2000; Васильев П. К 80-летию нэпа и Госплана: "Круглый стол" // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 4.

одной из главных задач властей было сохранение "командных высот" в экономике. Поэтому "отмена" нэпа была всего лишь вопросом времени – рано или поздно власти перешли бы на директивное планирование и директивное управление экономикой, как наиболее отвечающие социалистическим принципам хозяйствования.¹⁰

История России 1920-х гг., проблемы нэпа стали предметом пристального внимания и зарубежных исследователей. Их исследования основывались преимущественно на источниках "несоветского" происхождения, что позволяло им самостоятельно работать по многим аспектам социально-экономической истории нэпа. Развитие теоретической мысли за рубежом ознаменовалось формированием и соперничеством "тоталитарной" и "ревизионистской" школ. До недавнего времени было характерно преобладание "тоталитарной" школы, сторонники которой большое внимание уделяли выявлению тоталитарных тенденций в развитии нэпа – экономическое и политическое ограничение зажиточного крестьянства, подавление экономических методов хозяйствования административно-командными, подавление оппозиции и т.д., которые, в конечном счете, привели к крушению нэпа. Они акцентировали внимание на противоречивости и обреченности нэпа. Однако на современном этапе в зарубежной историографии преобладание получили сторонники "ревизионистской" школы, которые отстаивали концепцию нэпа как "модернизации в русле общечеловеческой цивилизации".

Оценки многоукладного советского общества 1920-х гг. в работах "ревизионистов" были более плодотворными для развития исторической науки, чем в публикациях сторонников "тоталитарной" школы.¹¹ В целом можно сказать, что зарубежные историки внесли в изучение социально-экономических проблем нэповской деревни довольно существенный вклад.

На современном этапе отечественной историографии нэпа открывшиеся новые возможности исторического анализа значительно активизировали деятельность местных историков по исследованию социальных и экономических процессов, протекавших в 1920-е гг. в тамбовской деревне, как на уровне губернии, так и на уровне Центрального Черноземья в целом, по пересмотру ранее сложившихся концепций в свете нового знания.

Большое количество работ было посвящено проблемам перехода от "военного коммунизма" к нэпу, положению тамбовского крестьянства в конце гражданской войны. В частности, О.Г. Вронский показал в своем исследовании, что продразверстка и аграрная политика советского государства в целом привели к концу гражданской войны к "архаизации" и натурализации крестьянского хозяйства.¹² Полунина Л.В. и Есиков С.А. выявили основные способы противодействия крестьян продовольственной политике государства – сокращение размера посевов и количества скота.¹³ Зимин А.В. и Никулин В.В. основными причинами перехода к нэпу назвали глубокий кризис сельского хозяйства и всеобщее недовольство крестьян "военно-коммунистической" политикой властей.¹⁴ Кроме того, в работах В.П. Баранова, В.В. Сазонова, Л.Г. Протасова и ряда других авторов было показано важное значение крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1920 – 1921 гг. как крайней формы протеста тамбовского крестьянства против продразверстки и аграрной политики властей в целом, как одной из основных причин перехода страны

¹⁰ Иванов Ю. Нэп, рынок, социализм // Свободная мысль. – 1998. – № 3; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921 – 1929). – СПб. – 1997. – С. 22, 29; Гимпельсон Е.Г. Нэп и политическая система. 1920-е годы. – М., 2000 и др.

¹¹ Фицпатрик Ш. Классы и проблема классово-принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. – 1990. – № 8; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917 – 1933 гг. – М., 2001; Верт Н. История Советского государства. – М., 1998. – С. 170 – 200.

¹² Вронский О.Г. Крестьянство губерний земледельческого центра России: от "военного коммунизма" – к нэпу (1920 – 1923); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. – 1994.

¹³ Полунина Л.В. Переход от продразверстки к налогу в губерниях Черноземного Центра // НЭП: Экономика. Политика. Идеология: (тезисы докладов и сообщений науч. конф., посвященной 70-летию начала перехода новой экономической политике, ноябрь 1991.). – Тамбов, 1991. – С. 20 – 23; Есиков С.А. Переход от разверстки к налогу // Россия нэповская: политика, экономика, культура. – Новосибирск, 1991; Он же. Продразверстка в Тамбовской губернии // Власть и общество России. XX в.: Сб. науч. тр. – Тамбов, 1999. – С. 234 – 241.

¹⁴ Зимин А.В. VIII Тамб. губ. съезд Советов о задачах органов Советской власти в связи с переходом к нэпу // НЭП: Экономика. Политика... – С. 18 – 20; Никулин В.В. РКП(б) и крестьянство перед нэпом: проблемы взаимоотношений // Крестьяне и власть: Тезисы докладов науч. конф. 7 – 8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. С. 165 – 180.

к нэпу.¹⁵ Есиков С.А. и Канищев В.В. отметили в своей статье, что симпатии крестьян были на стороне "антоновщины", в которой, во многом благодаря деятельности комитетов "Союза трудового крестьянства", они видели реальную альтернативу Советской власти.¹⁶

Исследованию проблем социальной организации тамбовской деревни, а также взаимоотношений тамбовского крестьянства с местными властями, были посвящены работы В.Б. Безгина, А.А. Сафонова, Д.Г. Сельцера и других авторов. Было показано, что, несмотря на попытки компартии оживить работу местных Советов, коренной перестройки в деятельности этих органов в 1920-е гг. не произошло, они остались простыми исполнителями распоряжений вышестоящих властей и не пользовались авторитетом в деревне. В то же время в период нэпа наблюдался подъем общины, которая превратилась в деятельный орган крестьянского самоуправления. Местные власти низового уровня были представлены, кроме сельских и волостных Советов, еще и сельскими партячейками, которые тоже не пользовались авторитетом в среде крестьянства из-за командных методов работы сельских коммунистов, их низкого морального и общеобразовательного уровня, плохого ведения личных хозяйств.¹⁷

Значительный интерес проявили исследователи также к вопросам социальной структуры и социально-экономических отношений доколхозного крестьянства. Мигущенко О.Н. и другие авторы показали в своих работах значительное отставание процессов социальной дифференциации в тамбовской деревне по сравнению с показателями по России в целом и значительную распространенность традиционного-патриархальных социально-экономических отношений.¹⁸

Большое внимание исследователей привлекли проблемы коллективизации и раскулачивания в тамбовской деревне, а также хлебозаготовительные кризисы конца 1920-х гг., ставшие одной из основных причин перехода к политике сплошной коллективизации. Пирожков Г.П. и др. авторы пришли к выводу, что хлебозаготовительные кризисы возникли вследствие ошибок в планировании и неправильной ценовой политики государства, а не из-за "происков" кулачества.¹⁹ Кротова Т.А. и Есиков С.А. отметили в своих исследованиях, что преодоление элементов эксплуатации в тамбовской деревне вовсе не требовало ликвидации кулаков, тем более, что в числе "раскулаченных" оказалось много середняков.²⁰

Однако все это лишь фрагменты общей картины. Местная историография нэповской деревни по теме исследования на уровне отдельных губерний России только начинает складываться, историки только осваивают данное поле исследования. Состояние историографии нэпа на уровне Тамбовской губернии на сегодняшний день характеризуется раздробленностью проблематики социально-экономической истории тамбовской деревни 1920-х гг. Многие вопросы, поднимаемые авторами, так и не решены до конца. Ощущается недостаток конкретно-исторических исследований, посвященных конкретным про-

¹⁵ Баранов В.П. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. 1920 – 1921 гг. Тамбов 1991; Он же. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в первой четверти XX века. – Тамбов, 1996; Сазонов В.В. Истоки крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. – 2001. – № 4.; Есиков С.А., Протасов Л.Г. "Антоновщина": новые подходы // Вопросы истории. – 1992. – № 6 – 7 и др.

¹⁶ Есиков С.А., Канищев В.В. "Антоновский нэп". (Организация и деятельность "Союза трудового крестьянства" Тамбовской губернии. 1920 – 1921 гг.) // Отечественная история. – 1993. – № 4.

¹⁷ Безгин В.Б. Крестьянство и сельсовет в годы нэпа // Крестьянство и власть. Тезисы докладов науч. конф. – Тамбов, 1995. – С. 86 – 87; Сафонов А.А. Советская власть и общинное крестьянство Тамбовской губернии накануне коллективизации: проблемы взаимоотношений // Власть и общество России. XX в. Сб. науч. тр. – М. – Тамбов, 1999. – С. 289 – 295; Сельцер Д.Г. Советская власть и крестьянство: из истории взаимоотношений // Проблемы политической социологии и истории. – Тамбов, 1992. – С. 15 – 18; Протасов Л.Г. Советские Тамбовской губернии в первые годы нэпа // Наш край Тамбовский. Материалы к областной науч.-практ. конф. краеведов. – Тамбов, 1989. – С. 35 – 38; Никулин В.В. РКП(б) – ВКП(б) и Советы. Избирательные кампании в Черноземной деревне в период нэпа // Крестьянство от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. науч. ст. – Тамбов, 1998. – Вып. 2. – С. 165 – 180 и др.

¹⁸ Мигущенко О.Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928 – 1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1994; Безгин В.Б. Социально-экономическая характеристика доколхозного крестьянства Тамбовской губернии // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья: Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской науч. конф. по ист. демографии и ист. Географии. – Тамбов, 1992. – С. 78 – 79; Полунина Л.В. Социальные сдвиги в тамбовской деревне при переходе к нэпу // Там же. – С. 79 – 82 и др.

¹⁹ Пирожков Г.П. Нажать так, чтобы три поколения помнили // Поиск. – 1990. – № 8; Он же. СССР в 1928 – 1941 гг.: От диктатуры партии к диктатуре вождя. – Тамбов, 1994. – 58 с.; Есиков С.А. Хлебозаготовки 1927/28 г. и политическое положение в Тамбовской губернии // Наш край тамбовский. Материалы к обл. науч.-практ. конф. краеведов. – 1989. – С. 39 – 42; Никулин В.В. Хлебный кризис конца 20-х годов и попытка его преодоления // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сб. науч. статей. – Тамбов, 1996. – С. 90 – 101.

²⁰ Кротова Т.А. "Ликвидировать как класс". Из истории раскулачивания тамбовского крестьянства. – Тамбов, 1999. – С. 11, 16, 53 – 62; Есиков С.А. Кулак в социальной структуре доколхозной деревни // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья: Тезисы докладов и сообщений II Межвуз. науч. конф. по ист. демогр. и ист. геогр. Тамбов. 13 – 15 июня 1992 г. – Тамбов, 1992. – С. 76 – 78.

явлениям социально-экономической жизни тамбовской деревни в период нэпа и особенностям протекания общероссийских социально-экономических процессов в Тамбовской губернии. Отсутствуют обобщающие труды по социально-экономическим аспектам нэпа в тамбовской деревне. Наиболее серьезная попытка в данном направлении была предпринята в 1994 г. в диссертациях О.Г. Вронского и О.Н. Мигущенко²¹ Авторы пытались обобщить современное научное знание о социально-экономической истории нэповской деревни. Однако проблемы социально-экономической жизни тамбовской деревни рассматривались в этих диссертациях в основном на уровне центрально-черноземного региона в целом, к тому же хронологически была охвачена только часть периода нэпа.

Общий обзор исторической литературы темы исследования показывает, что к настоящему времени в изучении социально-экономических аспектов нэповской деревни достигнуты значительные успехи. В то же время историографический анализ свидетельствует о недостаточной изученности социально-экономической истории российской деревни периода нэпа с учетом современного знания на уровне губерний. Следовательно, совершенно очевидна объективная потребность в создании как конкретно-исторических, так и обобщающих трудов по рассматриваемой проблематике на материалах Тамбовской губернии.

Цель и задачи исследования. Диссертация имеет целью анализ социально-экономических аспектов новой экономической политики в тамбовской деревне.

Для реализации поставленной цели намечалось решение следующих задач:

1 Исследовать экономическое положение тамбовского крестьянства накануне нэпа, выявить причины глубокого экономического кризиса сельского хозяйства губернии.

2 Проанализировать причины острого кризиса взаимоотношений власти и крестьянства в 1920 – начале 1921 гг., приведшего к смене аграрной политики государства.

3 Изучить процесс реализации новой экономической политики в индивидуальном крестьянском хозяйстве губернии в 1921 – 1929 гг., исследовать установки большевистского режима относительно путей экономического развития деревни, методы их реализации.

4 Провести сравнительный анализ эффективности экономической деятельности в различных формах коллективного хозяйствования тамбовского крестьянства в период нэпа.

5 Проанализировать изменения в социальной структуре тамбовского крестьянства в 1921 – 1929 гг., выявить особенности и характер социально-экономических процессов, протекавших в тамбовской деревне в исследуемый период.

6 Выявить социальные последствия классовой направленности аграрной политики государства для тамбовской деревни периода нэпа. Охарактеризовать отношение власти к крестьянству в целом и к отдельным его социальным группам, а также отношение крестьянства к власти.

Научная новизна диссертации состоит в том, что это комплексное исследование социально-экономических аспектов новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии, в котором осуществляется целостный анализ социальной и экономической жизни тамбовского крестьянства в условиях экономической либерализации, переосмысливаются и уточняются прежние оценки социально-экономического положения тамбовского крестьянства в 1920-е гг. В диссертации предпринята попытка исследовать важнейшие тенденции и закономерности развития социально-экономических процессов в тамбовской деревне 1920-х гг., выявить побудительные мотивы, причины и последствия многих практических решений, принятых в эти годы.

Новизна исследования определяется также введением в научный оборот значительного числа ранее неизвестного фактического и статистического материала, что позволяет по-новому взглянуть на ряд ключевых явлений социально-экономической жизни и практики. Все это позволяет надеяться, что диссертация вносит определенный вклад в научное освещение истории 1920-х гг.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что она восполняет пробел в знаниях о характере и особенностях социально-экономических процессов, протекавших в тамбовской деревне в 1920-е гг.. Содержащиеся в ней выводы и положения, фактический материал могут быть включены в исследовательскую базу формирующегося направления отечественной историографии нэпа – изучение социально-экономических проблем российской провинции, а также при подготовке обобщающих тру-

²¹ Вронский О.Г. Крестьянство губерний земледельческого центра России: от "военного коммунизма" – к нэпу (1920 – 1923). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 16 с.; Мигущенко О.Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928 – 1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1994. – 24 с.

дов по истории новой экономической политики. Материалы исследования могут быть также использованы в учебных курсах по истории и краеведению.

Источниковая база исследования. Задачи исследования решались на основе использования комплекса источников как опубликованных, так и архивных. Для полного и глубокого анализа поставленных вопросов было важно не столько количество обследованных архивных фондов и просмотренной периодической печати, сколько целенаправленный характер отбора информационно-насыщенного материала, выявление и всесторонний анализ новых источников, новое прочтение уже использованных.

Опубликованные источники, использованные в диссертации, разноплановы и включают в себя партийно-правительственные документы, статистические сборники, сборники документов и материалов, журнальные и газетные публикации в центральных и местных изданиях, работы лидеров большевиков, мемуары, письма граждан в различные инстанции.

Наибольший интерес представляют сборники документов и материалов, изданные в различные годы, из которых было извлечено значительное количество материала по конкретным проблемам социально-экономической жизни тамбовского крестьянства и социально-экономической практике партийных и советских органов в тамбовской деревне 1920-х гг.

Издания справочно-информационного характера, как центральные, так и местные, использовались для охарактеризования конкретных явлений, а также для выявления общих тенденций и закономерностей развития социально-экономических процессов в тамбовской деревне посредством сравнительного анализа статистических данных за различные годы.

Труды руководителей большевиков использовались для выявления идейно-побудительных мотивов принимаемых властями в 1920-е гг. практических решений. Из партийно-правительственных документов были извлечены некоторые дополнительные сведения о проводившихся властями в 1920-е гг. социально-экономических мероприятиях и их итогах.

В диссертации использованы материалы фондов двух местных архивов – Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО) и Государственного архива Тамбовской области (ГАТО).

В общей сложности просмотрены и изучены материалы 10 фондов и около 700 единиц хранения. Архивные документы представляют собой наиболее информационно-насыщенный материал по социально-экономической истории тамбовской деревни 1920-х гг. Его информационные возможности позволяют понять логику и действительные побудительные мотивы принятия губернскими властями тех или иных практических решений по важнейшим вопросам социально-экономической жизни тамбовской деревни, их способность адекватно оценивать и реагировать на возникающие социально-экономические проблемы, увидеть особенности отношения властей к различным социальным группам и отношение крестьян к властям и их мероприятиям, получить представление об экономическом положении и социальной структуре крестьянства, социально-экономических отношениях различных слоев крестьянства, принципах формирования и методах работы местных органов власти, выявить и проследить основные тенденции и закономерности в развитии различных социально-экономических процессов в тамбовской деревне. Часть из документов фонда Тамбовского губкома РКП(б)-ВКП(б), использованных в диссертации и свидетельствующих о конкретной социально-экономической практике властей в 1920-е гг., до недавнего времени была засекречена и впервые вводится в научный оборот.

Кроме того, определенная часть сведений и фактов была получена из центральных и местных периодических изданий.

Таким образом, все использованные в диссертации источники в своей совокупности позволяют составить достаточно полное представление о социально-экономическом положении тамбовского крестьянства в период нэпа.

Методология. Методологически исследование базируется на системном подходе и принципе историзма, что предполагает анализ событий с учетом всех их связей и взаимосвязей с общероссийскими переменами 1920-х гг.

Для выявления особенностей социально-экономических явлений в деревне Тамбовской губернии была использована описательно-аналитическая методика освещения источников, позволившая достаточно объективно выявить основные тенденции, характеризующие социально-экономическое положение тамбовского крестьянства. При работе с источниками использовались методы текстологического

анализа, ретроспективный, статистический.

Положения, выносимые на защиту.

1 Продразверстка и классовая направленность аграрной политики государства стали главными причинами глубокого кризиса крестьянского хозяйства в Тамбовской губернии в конце гражданской войны и острейшего кризиса во взаимоотношениях крестьянства и власти.

2 Отмена продразверстки и снятие большинства ограничений социально-экономического характера в период нэпа способствовали восстановлению и укреплению индивидуального крестьянского хозяйства Тамбовской губернии.

3 Эффективность экономической деятельности колхозов и совхозов значительно уступала эффективности экономической деятельности в индивидуальных крестьянских хозяйствах и их кооперативных объединениях.

4 К концу восстановительного периода в Тамбовской губернии наблюдался рост числа крупнотоварных зажиточно-средняцких и кулацких хозяйств. Этот процесс объективно был полезен, так как значительно повышал экономическую отдачу сельского хозяйства.

5 Усиление экономических позиций и рост политического влияния зажиточной части крестьянства в результате нэповских перемен противоречили идеологическим установкам большевиков. Это стало одной из основных причин отказа большевиков от нэпа.

Апробация работы прошла на двух всероссийских и одной внутривузовской конференциях. Основные положения докладов опубликованы в сборниках статей и тезисов. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его хронологические и географические рамки, научная новизна, характеризуются методы исследования, дается историография проблемы и анализ источников.

В **первой главе** "Социально-экономическое положение крестьянства накануне нэпа (1920 – начало 1921 гг.)" исследуются причины острейшего экономического и социально-политического кризиса 1920 – 1921 гг. в тамбовской деревне.

В первом параграфе "Экономические проблемы деревни" анализируется экономическое положение тамбовского крестьянства в конце гражданской войны. Уравнительное перераспределение земли в ходе аграрной революции сыграло решающую роль в изменении численности крестьянских хозяйств, социальной структуры крестьянства и социально-экономических отношений в деревне. К 1920 г. резко снизился удельный вес крайних групп – беспосевных и крупнопосевных хозяйств. В то же время значительно увеличилось число среднепосевных хозяйств. Большинство середняцких хозяйств были маломощными; тем не менее, в силу их многочисленности они стали основным производителем сельхозпродукции в губернии. Такие сдвиги в социальной структуре крестьянства привели к коренной перестройке социально-экономических отношений в деревне. Поскольку основную массу крестьянских хозяйств составили маломощно-средняцкие и бедняцкие хозяйства, минимально обеспеченные средствами производства или не имеющие их вовсе, возросла распространенность социально-экономических отношений найма-сдачи средств производства, а также распространенность традиционных форм крестьянской трудовой взаимопомощи ("супруги" и "помочи").

Наступление государства на рыночные "капиталистические" отношения в 1918 – 1920 гг. и переход к "военно-коммунистической" модели экономики усугубили кризисные явления в тамбовской деревне, вызванные военной разрухой. Введение продразверстки и других натуральных повинностей (трудовой, гужевой, военно-конской и т.д.) привело к увеличению налогового бремени для крестьянства почти вдвое по сравнению с довоенным уровнем. Главными исполнителями этих повинностей стали опять-таки наиболее многочисленные середняцкие слои крестьянства.

Комплексное воздействие всех этих факторов и военной разрухи привело к ослаблению и обеднению всех социальных групп тамбовского крестьянства.

Во втором параграфе "Взаимоотношения власти и крестьянства" рассматривается социально-

политическое положение в Тамбовской губернии. Те тяготы, которые испытывали на себе крестьяне в суровых условиях гражданской войны и "военного коммунизма", сказывались все сильнее на их настроениях. Общее разорение, многочисленные натуральные повинности и особенно методы, которыми осуществлялась продразверстка, вызывали все возрастающее недовольство. За невыполнение заданий по продразверстке власти широко применяли к крестьянам различные репрессии. Социально-экономическая и политическая практика большевиков в период "военного коммунизма" привела в конце гражданской войны к острейшему экономическому и социально-политическому кризису в Тамбовской губернии, к необычайно острому противостоянию крестьян и власти. Крестьянское восстание в 1920 – 1921 гг. было мощным социальным взрывом, вынудившим власть активно искать выход из кризиса. Именно события в Тамбовской губернии в значительной мере ускорили принятие руководством страны решения о переходе к новой экономической политике.

Во второй главе "Экономическое положение крестьянства в период новой экономической политики (1921 – 1929 гг.)" анализируются экономические процессы в тамбовской деревне в период нэпа.

В первом параграфе "Восстановление и развитие индивидуального крестьянского хозяйства" детально исследуются процессы восстановления и развития индивидуального крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в 1921 – 1929 гг.

С переходом к новой экономической политике у крестьян появился экономический стимул к развитию своего хозяйства и увеличению производства сельхозпродукции. Однако неурегулированность многих вопросов землепользования и поземельных отношений тормозила восстановление крестьянского хозяйства. Ряд мероприятий центральных властей в середине 1920-х гг. (снятие большинства ограничений на хозяйственную деятельность, ограничение административного произвола местных властей, кредиты на восстановление сельского хозяйства для губерний Центрального Черноземья) способствовали подъему сельского хозяйства Тамбовской губернии. К концу 1927 г. сельское хозяйство губернии по большинству показателей восстановило довоенный уровень, а по некоторым показателям и превысило его. Однако развитие хозяйственной инициативы деревни вело к возрастанию численности и экономической мощи "капиталистических элементов", что не устраивало большевиков. Власть пыталась противопоставить укреплению экономических позиций единоличного сектора сельского хозяйства развитие социалистического сектора, путем постепенного обобществления хозяйственной деятельности крестьян в сельскохозяйственной кооперации и последующего вовлечения их в колхозы.

Во втором параграфе "Коллективные формы хозяйствования" рассматривается положение дел в различных формах коллективного хозяйствования крестьян (сельхозкооперативах и колхозах). Согласно ленинскому кооперативному плану, единоличное крестьянское хозяйство должно было вращаться в социализм через сельхозкооперацию. Предполагалось, что крестьяне, объединившись в сбыто-снабженческие, перерабатывающие и специальные кооперативы и, убедившись в выгодах кооперирования отдельных элементов и процессов хозяйственной деятельности, должны были затем добровольно, в массовом порядке, переходить к "высшей" форме кооперирования – колхозам. Весь опыт работы властей Тамбовской губернии по коллективизации крестьянства в 1921 – 1927 гг. показал, что подавляющее большинство крестьян не испытывали желания вступать в колхозы из-за низкого уровня хозяйствования в них.

Совершенно иным было положение в сельхозкооперации, участие в которой положительно влияло на крестьянские хозяйства, способствовало их развитию и модернизации. Крестьяне охотно, без всякого принуждения, вступали в нее. В 1928 г. в сельхозкооперации состояла уже треть крестьянских хозяйств губернии. Таким образом, кооперирование крестьянства Тамбовской губернии в период нэпа не подтвердило положений ленинского кооперативного плана о добровольном массовом переходе крестьян от "простых" к "высшей" форме кооперации и на практике привело лишь к дальнейшему укреплению позиций индивидуального крестьянского хозяйства. Утвердить социалистический хозяйственный уклад в деревне власти смогли только путем насильственной коллективизации.

В третьей главе "Социальное положение крестьянства в период новой экономической политики (1921 – 1929 гг.)" исследуются социальные процессы, происходившие в тамбовской деревне в период нэпа и выделяются основные факторы, влиявшие на эти процессы.

В первом параграфе "Социальная структура и социальные отношения в тамбовской деревне в период нэпа" изучаются социальная структура и социальные отношения тамбовского крестьянства в 1921 – 1929 гг. В первые гг. нэпа военная разруха и голод 1921 – 1922 гг. оказали огромное воздействие на социальные сдвиги в среде тамбовского крестьянства, что выразилось, прежде всего, в возрастании удель-

ного веса маломощного крестьянства. Однако благодаря снятию в середине 1920-х гг. многих экономических ограничений, восстановительным кредитам государства, а также благоприятным для полеводства 1926 – 1927 гг., положение в сельском хозяйстве губернии стало довольно быстро улучшаться. Наблюдался рост числа крупнотоварных зажиточно-средняцких и кулацких хозяйств.

Однако усиление экономических позиций и рост политического влияния зажиточной части крестьянства противоречили идеологическим установкам большевиков. В 1928 – 1929 гг. на социальную эволюцию тамбовского крестьянства кардинально повлияла смена курса руководством страны. Экономическое подавление зажиточного крестьянства путем индивидуального налогообложения, применения чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок и ряда других ограничений привели не только к уменьшению экономической мощи кулацких и зажиточно-средняцких хозяйств, но и их численности. Это привело к снижению общего уровня хозяйствования тамбовского крестьянства и снижению экономической отдачи сельского хозяйства.

Второй параграф "Социальные последствия классовой направленности аграрной политики государства" посвящен рассмотрению влияния классовой направленности аграрной политики государства на социальную жизнь деревни. Власти всеми мерами возвеличивали бедняков, которых считали единственной надежной опорой пролетариата в деревне. Процент бедняков в местных Советах значительно превышал их удельный вес в составе крестьянства, преимущественно они были представлены и в руководстве кооперации. Им предоставлялась масса экономических и социальных льгот. Предпринятые властями в годы нэпа меры по экономической поддержке бедняцкой части крестьянства привели к установлению экономического культа бедноты и имели серьезные экономические последствия – терялся стимул к расширению хозяйства. Быть бедняком становилось выгодно. Многие уже и не пытались улучшить ведение своего хозяйства, чтобы не потерять льготы. В то же время зажиточная часть крестьянства всячески притеснялась властями, ограничивалась в экономических и политических правах. Постоянные поиски властями кулаков в среде крестьянства при отсутствии четких критериев для их определения усиливали социальную напряженность, порождали кулакоманию. Классовая направленность аграрной политики государства способствовала искажению традиционной трудовой морали крестьянства, росту люмпен-пролетарских настроений.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования. Нэп был введен руководством страны под давлением обстоятельств, под угрозой полного развала экономики и утраты власти. Анализ социально-экономических аспектов нэпа в деревне Тамбовской губернии в 1921 – 1929 гг. показал, что главной причиной насильственной коллективизации был не кризис единоличного крестьянского хозяйства, которое якобы экономически себя исчерпало к концу 1920-х гг., а доктринальная заданность большевистской идеологии. Индивидуальному крестьянскому хозяйству, связанному с частной собственностью на средства производства, не было места в социалистическом обществе. Именно боязнь "буржуазного перерождения" государственного строя в результате нэповских перемен и утраты им, в конечном счете, социалистического характера, привели к отказу от нэпа. Без сомнения, при наличии политической воли, вполне могли быть преодолены продовольственные проблемы конца 1920-х гг. Однако также очевидно, что при любом "альтернативном" варианте развития нэпа в деревне, объективные законы развития рыночной экономики рано или поздно снова вошли бы в непримиримое противоречие с изначально поставленными программными политическими целями компартии по социалистическому переустройству сельского хозяйства.

Большевики смогли достичь своей стратегической цели: путем насильственной коллективизации добиться отчуждения крестьян от средств производства и результатов труда, превратив их в класс земельных рабочих, восстановив их полукрепостническое, зависимое от властей состояние. Последствия конкретных социально-экономических решений и действий местных и центральных властей в период нэпа и в начале 30-х гг. XX столетия сказываются и сегодня, именно тогда были заложены корни многих нынешних проблем тамбовской деревни.

По теме диссертации автором было опубликовано 6 работ общим объемом 2,3 печатных листа:

1 Мамонтова Э.А. Власть и беднейшее крестьянство в период новой экономической политики (Проблемы взаимоотношений) // История крестьянства в России: Материалы XVI Всерос. заочной науч. конф. – СПб., 2000. – С. 129 – 132. – 0,2 п.л.

- 2 Мамонтова Э.А. Переход к нэпу и крестьянство Тамбовской губернии. (Социально – психологический аспект) // Менталитет россиянина: история проблемы: Материалы XVII Всерос. науч. конф. – СПб., 2000. – С. 97 – 100. – 0,2 п.л.
- 3 Мамонтова Э.А. Нэп, власть и крестьянство (1921 – 1924 гг.) // Прошлое и настоящее России. Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2000. – С. 81 – 87. – 0,5 п.л.
- 4 Никулин В.В., Мамонтова Э.А. Крестьянские коллективные хозяйства в начальный период нэпа. 1921 – 1923гг. (Социально – экономический аспект) // Вестник Тамб. гос. техн. ун-та. – 2000. – Т. 6. – № 3. – С. 527 – 533. – 0,5 п.л.
- 5 Мамонтова Э.А. Социальные слои тамбовской деревни в первые гг. нэпа. (1921 – 1923 гг.) // VII науч. конф. ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2002. – С. 232 – 233. – 0,1 п.л.
- 6 Мамонтова Э.А. Социально – экономическое положение тамбовского крестьянства накануне нэпа (1920 – начало 1921 гг.) // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. молодых ученых и студентов. – Тамбов, 2003. – Вып. 14. – С. 278 – 282. – 0,3 п.л.